

Линь Лан сделал два глубоких вдоха, тщательно контролируя напряжение ягодичных мышц. Он наклонился, поднял разбросанные по полу предметы и медленно поднялся на ноги, каждое движение было размеренным, почти ритуальным.

Подарок в его руках вдруг показался невыносимо тяжелым – вес не только предмета, но и запутанных эмоций, бушевавших в нем. Все думали, что его смятение вызвано лишь осознанием истины, но никто не мог представить себе, какую глубокую битву он вел в месте запретном и необъяснимом.

Закрыв глаза, он почувствовал, как тень боли пробежала по его лицу. Чувства обострились, полностью сосредоточившись на мучениях внизу. Слово огонь лизал его внутренности, раскаленные металлические шары грозили обжечь нежные стенки.

Физическое ощущение было ошеломляющим, но хуже, гораздо хуже, было осознание того, что на него устремлены бесчисленные взгляды. Стыд разгорелся сильнее пламени, и его тело предало его, дрожа с каждой секундой.

Его глаза распахнулись. Одним резким движением он швырнул подарок на пол. Ярость и отчаяние смешались, и он схватил стул, круша его снова и снова, пока дерево не раскололось под его ударами.

Куски разлетелись по земле, и он яростно отбрасывал их, пока дыхание не стало прерывистым. Наконец гнев утих, и он наклонился, чтобы собрать части один за другим, но понял, что восстановить их уже невозможно.

Печаль и отчаяние отразились на его лице, когда он прислонился головой к стене, прикрывая ею свою выпуклую нижнюю часть тела. Он сжал правый кулак над головой, ногти впивались в плоть, чтобы заглушить похоть, но его кулак все еще дрожал от едва сдерживаемого возбуждения. Даже его плечи начали дрожать, выражение лица становилось все более выразительным, с исключительной ясностью запечатлевая конфликт и борьбу.

Съемочная группа была заморожена. Его боль проникала в них так глубоко, словно была их собственной.

Режиссер хлопнул себя по бедру.

— ИДЕАЛЬНО! Сяо Лан Лан сыграл лучше некуда. Подождите, ребята...

— Десятиминутный перерыв, — отрезал Линь Лан и зашагал прочь, не оглядываясь.

Сотрудники разбрелись отдыхать, а режиссер моргал, слова замерли у него на языке. Ему

потребовалось мгновение, чтобы понять, что его решение было отклонено. Он раздраженно крикнул:

— Но я режиссер! Кто здесь должен отдавать приказы?

Когда Фэн Хао последовал за Линь Ланом в гримерку, он обнаружил, что тот тихонько читает Сутру Сердца. Но на этот раз привычное напевание не сработало. Даже двукратное повторение не утихомирило беспокойный жар, бушевавший в его теле; он даже потерял счет повторам.

Фэн Хао прислонился к стене, молча наблюдая. Линь Лан наконец открыл глаза, и Фэн Хао подумал, что к нему вернулось самообладание, но тут Линь Лан начал искать пакет со льдом, которым визажист воспользовалась утром.

Поняв, что к чему, Фэн Хао усмехнулся.

— Принудительное охлаждение — штука не из приятных. Ты уверен, что хочешь пойти этим путем?

Линь Лан нашел пакеты со льдом, но обнаружил, что они растаяли. Он с досадой отбросил один пакет и неохотно вернулся мыслями к предыдущему предложению Фэн Хао.

— Какова цена?

— Ты знаешь, — спокойно ответил Фэн Хао, — если решишь воспользоваться помощью со стороны.

Линь Лан опустил глаза, погружившись в молчание. Фэн Хао взглянул на часы.

— У тебя пять минут.

Наконец, решив, Линь Лан встал, пересек комнату и опустился перед ним на колени.

— Ты обдумал это? — спросил Фэн Хао.

Он кивнул.

— Встань.

Фэн Хао обычно двигался размеренно, смакуя каждый шаг, растягивая унижение Линь Лана. Но сегодня он двигался с поразительной поспешностью. В мгновение ока штаны Линь Лана сползли к щиколоткам.

Фэн Хао достал из своего комода маленький запертый чемоданчик. Он открыл его и достал гладкий серебристый предмет толщиной в палец.

— Знаешь, что это?

Линь Лан сразу узнал это.

— Помада.

Прежде чем он успел договорить, предмет уже был внутри него.

— Довольно близко, — небрежно ответил Фэн Хао, не подтверждая и не отрицая.

Затем он вытащил из дна чемоданчика фиксирующий ремень. Он напоминал кожаные ремни, которые Линь Лан использовал на тренировках, но этот был сделан из фибры и эластичной ткани, незаметный под одеждой.

Фэн Хао затянул его вокруг Линь Лана, прижимая его беспокойную длину к телу. Узкая лента закрывала спину, исключая риск выпадения яичек спереди.

Линь Лан с облегчением вздохнул. «Ценой», должно быть, была помада — она вдавила шарики глубже, но вполне терпимо.

— Ты жульничаешь, — пробормотал он. — Ты сказал мне выбрать один или два, а теперь использовал оба.

Фэн Хао усмехнулся:

— Считаю это тренировкой. В следующий раз ты научишься принимать решения быстрее, рефлексy будут лучше.

При этом Линь Лан выглядел внешне неизменным, как будто ничего не произошло.

— Десять минут, — напомнил ему Фэн Хао, запирая чемоданчик и засовывая что-то из него в карман. — Пошли.

Он игриво похлопал Линь Лана по заду и вышел первым. Линь Лан, приспособившись к ситуации, взял себя в руки и последовал за ним.

Вернувшись на съемочную площадку, режиссер объяснил следующую сцену.

— Когда появляется Сяо Хао Хао, нужно проявить сдержанность. Внутри тебя кипит ярость. Снаружи ты сдерживаешь ее. Никакого физического противостояния, только взгляд. Сможешь?

Линь Лан кивнул.

— Хорошо. МОТОР!

Линь Лан снова прижался к стене, продолжая смотреть на то место, где закончилась последняя сцена. Дверь открылась. Вошел Фэн Хао, выражение его лица дрогнуло при виде обломков.

Линь Лан медленно повернул голову. В тот момент, когда их взгляды встретились, его тело содрогнулось. Настолько естественно, настолько искренне, что съемочная группа была поражена, он воплотил агонию своего персонажа с тревожащим реализмом.

Но правду знал только Линь Лан. В тот же миг, как он обернулся, рука Фэн Хао шевельнулась в кармане, и «помада» внутри него взревела, безжалостно завибрировав.

Ему следовало догадаться. Фэн Хао никогда бы не согласился на такую простоту.

Каждый раз, когда Линь Лан думал, что достиг своего предела, Фэн Хао находил новый способ сломить его.

Вибрации сотрясали шарики внутри него, посылая беззвучное эхо по всему телу, но в его сознании жужжание было оглушительным.

Он повернулся к стене, жадно хватая ртом воздух, борясь с желанием резко обернуться, схватить Фэн Хао за воротник и потребовать объяснений.

«Держись. Держись. Держись».

Режиссер невольно отступил назад. Он никогда не видел, чтобы стойкость была изображена так ярко, эмоции были вулканическими, словно поток магмы, скрытый под хрупкой коркой, грозящий взорваться и поглотить все.

Фэн Хао бесстрастно оглядел комнату.

— Что с тобой?

Линь Лан снова обернулся:

— Мастер Фэн, я в порядке.

На лице Фэн Хао отразилось недовольство.

— Я не люблю, когда мне лгут.

Линь Лан глубоко вздохнул.

— Мой младший брат занимается торговлей наркотиками. Мастер Фэн, ты знал?

Фэн Хао долго молчал.

— Я не знал.

Губы Линь Лана изогнулись в легкой, горькой улыбке. Он склонил голову.

— Я только что узнал. Я потерял самообладание. Прости меня. Я немедленно уберусь.

Взгляд Фэн Хао задержался на осколке сломанного подарка у его ног, теперь неузнаваемом, хотя когда-то тщательно выбранном.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Мы уберем это позже. Мне нужно встретиться кое с кем на причале. Ты пойдешь со мной.

Линь Лан кивнул.

— Сначала я закрою окно.

Он сделал несомненный акцент на слове «закрою».

Фэн Хао понял. Уходя, он щелкнул пальцем, прекратив мучения.

Линь Лан прислонился к стене, ослабев от облегчения, его силы иссякли, как будто их краткий обмен репликами истощил его.

Вернувшись домой, Линь Лан тут же принялся расстегивать штаны. Фэн Хао схватил его за руку и улыбнулся.

— Что ты делаешь?

Получив отказ, Линь Лан прижался лицом к паху своего хозяина, нежно потирая его и бормоча:

— Господин.

Фэн Хао нежно погладил его по голове.

— Почему мой песик сегодня такой нетерпеливый? Проблемы на съемках?

Он нырнул рукой в карман, нащупывая пальцами пульт. Стон Линь Лана был отчаянным и жадным.

Он терпел весь день. Теперь он не мог вытерпеть ни секунды.

Он забыл про миссию, главное было — освободиться.

Извиваясь в объятиях Фэн Хао, он приподнимал бедра и раскачивался, нагло умоляя своего господина о прикосновении.

Фэн Хао снисходительно снял с него путы, один за другим, мягко похвалив его:

— Твоя сегодняшняя игра была блестящей. Достойной Оскара.

Но Линь Лан едва расслышал эти слова. Едва освободившись, он протянул руку, но Фэн Хао тут же остановил его.

— Ты забыл, что я сказал?

Линь Лан дрогнул и отстранился. Он прижался еще крепче, цепляясь за прикосновение своего господина, его глаза остекленели от мольбы.

— Должно быть, я первый человек в мире, который видит тебя в таком состоянии, — пробормотал Фэн Хао, прижимая ладонь к щеке. Линь Лан уткнулся носом в его ладонь, словно изголодавшаяся тварь. — Так соблазнительно, что я едва могу сдержаться.

Но он это сделал.

Линь Лан поцеловал его большой палец, жадно пососал его, а затем лизнул ладонь.

— Ладно, я знаю, что у тебя ловкий язычок, — поддразнил Фэн Хао, отталкивая его. — Сядь.

Линь Лан мгновенно повиновался, опустившись на колени и выпрямив спину. Только глаза выдавали его, сверкающие неуголенным желанием.

Фэн Хао достал свой небольшой чемоданчик, перебирая реквизит. Он коснулся одного, взглянул на Линь Лана, помедлил, а затем прошел мимо. Сердце Линь Лана забилось быстрее, он не знал, какая судьба его ждет.

Наконец Фэн Хао вытащил... простую косметичку.

Линь Лан, проработавший в этой сфере много лет, хорошо разбирался в подобных вещах. Но после «помады» он не осмеливался делать предположения.

— На стул, — приказал Фэн Хао.

В его доме не было ничего из того, что Линь Лан когда-то представлял себе в темнице: ни пыточных стоек, ни столов для осмотра. Кроме клетки, все выглядело обманчиво обыденно.

Стул представлял собой простое деревянное сиденье с четырьмя вертикальными балками на спинке, его сиденье было достаточно широким, чтобы Линь Лан мог встать на колени, широко расставив ноги.

Фэн Хао достал две пары наручников и сковал ими балки, чтобы зафиксировать руки и ноги Линь Лана. Затем веревки связали ему колени, раздвинув ноги и не давая возможности сбежать.

— Это нужно для того, чтобы ты не навредил себе, — объяснил Фэн Хао.

Только когда Фэн Хао достал из косметички первый предмет — бритву, Линь Лан понял.

— Ты умеешь краситься? — спросил Фэн Хао.

Линь Лан, как актер, вряд ли мог этого отрицать.

— Немного.

— Немногого достаточно, — губы Фэн Хао слегка изогнулись. — Какой первый шаг?

Линь Лан помолчал, прежде чем ответить.

— ...Брови.

<http://bllate.org/book/13924/1226854>